

АНГАРСКИЙ НАРРАТИВ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются особенности устного ангарского нарратива, выявляются его жанровые признаки, дается классификация ангарских нарративных текстов, устанавливаются их смысловые и ценностные доминанты. Источником исследования являются рассказы жителей из зоны затопления Богучанской ГЭС, записанные автором в ходе диалектологических экспедиций в Кежемский и Богучанский районы Красноярского края в 2012–2014 гг. На материале рассказов о переселении из зоны затопления Богучанской ГЭС рассматривается макроструктура ангарского нарратива, выявляются основные нарратемы и стилистические особенности анализируемых текстов.

Ключевые слова: нарратив, нарратема, речевой жанр, типология, макроструктура текста.

Устным повествованиям рядовых носителей языка и творческих личностей посвящены труды многих лингвистов. Наибольший интерес вызывают так называемые нарративы, т. е. повествования о человеческой жизни, когда «кто-то рассказывает кому-то, что что-то произошло» [1]. Эти тексты рассматриваются и как средство трансляции и интерпретации культуры, и как важнейший источник изучения языковой личности, и как разновидность дискурсивной практики индивида (см., напр.: [2]). В лингвистике изучение устных нарративов осуществлялось в разных аспектах: подвергались анализу сюжетные, интерпретационные и прагматические элементы нарративов [3], их структурно-семантические особенности [4], а также аксиологические доминанты в сопоставлении с текстами иной, например медийной, природы [5], изучались нарративные формы и признаки в пределах определенной коммуникативной сферы [6] и т. д. Однако взятые в совокупности нарратологические исследования не обнаруживают желаемой системы, гармонии и единства. Лингвистическая нарратология, равно как и нарратологические направления отдельных лингвистических отраслей, находятся на начальных этапах своего становления. Следует отметить, что особенности устных нарративов на материале диалектной речи и просторечия изучены недостаточно, поэтому вовлечение в лингвистический оборот регионального материала не теряет своей актуальности.

В задачу данной работы входит анализ ангарских нарративных текстов, записанных в 2012–2014 гг. в ходе экспедиций в зону затопления Богучанской ГЭС (Кежемский район Красноярского края, 2011–2012 гг.), а также в места компактного переселения жителей затопленных сел и деревень Кежемского района (города Кодинск, Саяногорск, Сосновоборск Красноярского края, 2012–2013 гг.; поселки Невонка и Ангарский Богучанского района Красноярского края, 2014 г.). В качестве иллюстративного материала используются также контексты из двух словарных статей «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири»

Г. В. Афанасьевой-Медведевой [7], которые представляют собой нарративы жителей ныне затопленных деревень Кежемского района – Мозговой и Паново. В общей сложности анализу подверглись более 60 текстов о прошлом, записанных от 37 информантов, подавляющее большинство из которых были вынуждены покинуть родные места в связи с заполнением водохранилища Богучанской ГЭС. Известно, что последний житель покинул зону затопления в декабре 2012 г. Всего за период 2008–2012 гг. в малые города Красноярского края и Хакасии было переселено 5 137 человек (1 713 семей), но значительная часть людей покинула родные места по социально-экономическим причинам еще раньше, в 90-е гг., а также в 2006 г., когда возобновилось строительство ГЭС. Естественно, что темы утраты, переселения, перезахоронения родных, гибели родной природы, распада патриархальных семейных связей, всевозможных трудностей в жизни на новом месте являются доминирующими в рассказах переселенцев.

Корпус проанализированных нами ангарских нарративов можно подразделить на 4 группы тематически связанных текстов: 1) «рискованные» (например, нарративы об экстремальной рыбалке); 2) смертельно опасные (например, нарративы о поединках с медведем или серьезных травмах в глухой тайге); 3) трагические (когда история заканчивается смертью героя: например, рассказы об утоплении родственников или односельчан, о болезни и смерти ребенка); 4) конфликтные (о распаде семьи, ссорах, о душевных переживаниях и т. п.). Особой разновидностью конфликтных рассказов являются рассказы о вынужденном переселении из зоны затопления. Рассмотрим их подробнее.

Концептуальным ядром рассмотренных текстов о переселении из зоны затопления является идея масштабности, экстраординарности события, которое случилось в жизни людей и природы: «*Мы среди пожарниц жили // И старались / старались жечь там / где живут люди // Вот / допустим / стоит целый квартал пустующий // Они его не жгут / а будут жечь рядом // вот я тут живу*

рядом / со мной будут жечь дом / чтоб быстрее меня выжить // Это делалось специально / специально так выжигали // Жгли / жгли постоянно рядышком // Целыми днями / ночами / у нас дом стоит / напротив был детский сад / наискосок был клуб // И в один день подожгли детский сад / клуб и еще один дом рядышком // Представляешь / детский сад здоровый / длинный такой / клуб такой высокий // и это все в один раз зажгли // Вокруг дома у нас все горело / представляешь // Люди приезжали как-то / хотели взять брус / доски там / ну увезти в Кодинск // Не дали им с дома с этого / а на следующий день / дом этот подожгли // Ну почему людям-то не отдать // Пусть увезут они // Вам какая разница? // Лучшие сожжем / но людям не дадим» (Т. И. Турова, переселена из Кежмы в г. Сосновоборск в 2012 г.).

Макроструктура текстов о переселении состоит из следующих содержательно инвариантных, свободно комбинирующихся друг с другом элементов: получение известия о вынужденном переселении; беспокойство и неопределенность накануне отъезда; козни, бездушные чиновников и / или другие превратности судьбы (например, неожиданная смерть родственника перед или даже во время отъезда и т. п.); материальные потери; преодоление множества препятствий в дороге и на новом месте жительства; слезы и ностальгические воспоминания «об утраченном рае» на новом месте. Иногда в структуру таких повествований входит характеристика персонажей. Во всех устных повествованиях отчетливо проявляется симпатия к ангарцам, т. е. «своим»: «Народ вообще все / весь был хороший у нас // Все были живые и здоровые / крепкие и закаленные» (Т. И. Брюханова, переехала из Аксеново в Красноярск в 1990 г.); «Ой / да наша деревня вообще / была наверно всех лучше // Потому что была речистая всегда / дружны все // работали // никто никогда не ругался / всегда все были // Гуляли все вместе / компаниями // Там погуляют / утром там погуляют / в обед там погуляют // потом вечером в третью избу пойдут // Так что // Деревня у нас была» (Е. И. Карнаухова, переехала из д. Аксеново Кежемского р-на в Красноярск в 1998 г.).

Отличительной особенностью ангарского нарратива является повествование о многочисленных перипетиях, которые появляются внезапно и от человека не зависят. Рассказчик вербально и интонационно усиливает драматизм повествования вводом дополнительных «усложняющих факторов». Зону развития (осложнения) события нередко составляют сообщения о плохой организации переезда, болезни или гибели одного из участников события: «Я была диспетчером по вывозке вещей / это последний вот год уже / одиннадцатый год /

зиму вот / когда вывозили / там уже все машины у меня приходили отмечались // Раньше-то людям давали одну машину // На одну машину сколько сумел погрузить / все // Хоть там у тебя хоть сколько вещей / Так всяко люди / неофициально вывозили уже / эти вещи // А так дали вам одну машину / на семью / и все // Подошла баржа / на баржу скидали все / половина вещей терялась / половина разбивали / размокали под дождем и всяко //» (Т. И. Турова, запись 2012 г.); «Как я собиралась? // Я болела тогда // Дочь у меня собирала // Там кого было собирать-то? // После пожара у меня ничего не было / это все тут куплено / за эти годы // Ну там чё-то маленька было // Ну постеленка была / посуденку там сколько / новую там / ну // дочь собрала // Я поехала с зятем / зятю с дочерью дали в Ачинске это // Квартиру / а мне ишишо нигде не дали // А Таня / дочь / в Шарыпово дали // И Таня мой багажишко собрали и увезли // Я вот с этим зятем поехала / Я поехала в шесть часов утра / Это второго января / это было темно (плачет) // На своей машине // Как я ехала / не вижу (плачет) / ни избушки / никого не вижу. Плакала // Уехала / вот и все / больше ничо не знаю // Но я до Красноярска с ними доехала // В Красноярске дочь у меня живет // Я у ней жила три месяца / А меня в розыски стали уже искать / не знают где / ну нашли // Мне выделили здесь квартиру // Поохали / поохали / поехали / че делать-то» (Л. С. Тремарева, переселена из Кежмы в г. Саяногорск в 2009 г.). Включение персонажей нарративов в жизненные ситуации «с отягчающими обстоятельствами» неизменно подчеркивают положительные качества ангарцев и самого нарратора: «На барже / семей шесть уезжали тогда // Ну / он говорит // последний раз в Ангаре искупаюсь / пошел / а весна // Холодно // И никто не видал / как нырнул / хотел Ангару переплыть / выпивший / и все // Баржа ушла / а Нина / ну / завклубом у нас была / на берегу осталась искать его // Думала / вот сбежал с баржи / и вещи уплыли // Ни мужа / ни вещей / и дом уже сгорел // Нашли через пять дней / течением снесло // Схоронила / потом три месяца у родни жила в Красноярске / а квартира «ушла» / дали другому переселенцу / сейчас работает в Саяногорске / дворником за комнату / самый чистый двор у нее / красивый / руки золотые у нее // Жалко ее» (Т. Н. Казакова, переселена из Кежмы в г. Саяногорск в 2009 г.).

Концовкой большинства рассказов о переселении является сообщение о том, что субъект нарратива, преодолевший все препятствия и устроивший свой быт на новом месте, оплакивает утраченную родину: «14 апреля девятого мы здесь получили мою квартиру / вот и все // Там ишишо у дочери пожила / потом сюда переехала // Помаленьку-помаленьку // Так вот и живу // Переживать че уж /

каждый день переживанья // Все жалко / вспомнишь // Я жила на реке // Тут у меня Ангара вон какая была / у меня под окошком огород десятина / хорошо было / ну // Кто переехал / все плачут // Почти все // Это только бичи не плачут / бичи / которым бичам дали квартиры / они их тут пропихали//» (Л. С. Тремарева, записано в Саяногорске в 2013 г.).

Нарративы вынужденных переселенцев нередко базируются на мифах об утраченном рае и роковой предопределенности событий. Тексты изобилуют экспрессивными элементами: «Сделать мы ничего не можем / это от нас не зависит / но знаешь / просто смотреть на это // все душа плачет // Это невозможно // Понимаешь / это губят все // На Ангаре можно поставить крест теперь / на Ангаре поставить крест / все / она как река умрет // не будет рыбы / будет гнилое болото // Это все сосны же / это все гнить будет это все / и то / что они закопали / то что сожгли / закопали в ямы / это же все размочет / это все размочет / это все будет плавать // Не знаю / как кладбище / уберут в этом году или нет // но оно все будет плавать // Это страшно / это все страшно // А какая красота была / сколько в реке рыбы много ведь / а сколько в лесу и зверя / и ягод / и грибов // Нас кормило все это // А красота-то какая / понимаешь // Ведь это легкие земли / вот эти леса // Это они не задумываются // лес затопят // Вот Заимский остров / там такие бора / там столько всегда этих рыжиков / там ягоды рождается // Это все затопится // Его не чистили этот остров // Ну почему хотя бы лес-то не вычистить //» (Т. И. Турова, записано в Красноярске в 2012 г.).

Безусловной ценностной доминантой в ангарском нарративе является концепт Ангара. В наивном сознании река мыслится как сакральное существо, которое дарит жизнь и благополучие, карает за беспечность и небрежение к заветам предков: «Ангарские-то и сейчас обычаи знают свои. Во если я рыбачить еду, в лодку сяду, я отталкиваюсь в лодке от берега только вверх по Ангаре. Течение вниз, а ты наверх отталкиваешься. Вниз нельзя отталкиваться. Баушка мне всегда наказывала: «Ехай вверх. Ехай вверх, а потом куды ты

хощь. (...) А сначала наверх». Это по-старинному. С Ангарой спорить нельзя. Она много нашего брата прибрала. Ангара всех собирает, всех принимает. ...И вот ешо. Хлеб бросали, чтоб река прошла хорошо. А раньше же по весне споры были. Ее запрет, Ангару, торосом, и все. Ну и весной баушки ложат хлеб на льдину. Провожали, чтоб она хорошо прошла, без зла» [4, с. 346].

Анализ показал, что в ангарском нарративе отражаются как персональные и ситуативно-значимые фрагменты индивидуальной языковой картины мира рассказчиков, так и коллективные представления, обусловленные культурой и событиями реальной действительности. Подавляющее большинство ангарских нарративов характеризуются оценочным сопоставлением событий и ощущений в прошлом и настоящем: «Я была там (в Кежме. – О. Ф.) не одна // я не чувствовала этого одиночества // Вот я в квартире живу / хоть у меня тут сын рядом // Мне кажется / я в квартире живу / я одна / кругом я одна тут // а там мне казалось / я не чувствовала этого одиночества // Я не чувствовала / мне казалось это всё со мной / вот как бы со мной это всё // Я не могла насмотреться на реку / на небо / этой голубизны неба я все равно нигде не увижу... <...> ...Нас просто выкинули / нас просто выбросили» (Т. А. Турова, записано в Сосновоборске в 2012 г.); «Жили люди-то / рыбы было полно // Поставишь морду (рыболовная снасть.– О. Ф.) // полна / Это щас рыбу нету // хоть кого ставь» (И. К. Карнаухов, с. Заледеево Кежемского р-на, 2012 г.).

Таким образом, ангарский нарратив представляет собою лингвистически и культурно информативный феномен, который характеризуется открытостью, исповедальностью, преобладанием субъективного плана над информационным, выраженным личностным началом. К числу основных нарративных признаков проанализированных текстов относятся: 1) действия и чувства людей во время этих событий, 2) географическое пространство (топос), 3) социальные аспекты пространства (социотоп), 4) время (хронотоп), 6) характеры людей. Отличительный признак ангарского нарратива – пассеистичность, т. е. любование прошлым при отрицательном отношении к событиям настоящего.

Список литературы

1. Herrnstein-Smith B. On the margin of discourse. Chicago, 1978. 185 p.
2. Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 103 с.
3. Labov, William. The transformation of experience in narrative syntax. In Language in the Inne City. Chapter 9. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. 354–396.
4. Андреева К. А. Текст-нарратив: опыт структурно-семантической интерпретации. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1993. 110 с.

5. Орлова О. В. Семантические трансформации концептов нефть и труд в малой прессе нефтедобывающих территорий (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестн. Томского гос. ун-та. 2011. № 353. С. 34–37.
6. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Вып. (2) 22. Екатеринбург, 2007. С. 86–93.
7. Афанасьева-Медведева Г. А. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. СПб.: Наука, 2007. Т. 1. 576 с.

Фельде О. В., доктор филологических наук, профессор, зам. директора Института филологии и языковой коммуникации СФУ по научной работе.

Сибирский федеральный университет. Институт филологии и языковой коммуникации.

Пр. Свободный, 82 а, Красноярск, Россия, 660041.

E-mail: Feldeo@list.ru

Материал поступил в редакцию 02.09.2014.

O. V. Felde

ANGARSK NARRATIVE AS THE SUBJECT OF THE RESEARCH

The article analyses the features of the oral narrative, reveals its genre features, gives the classification of the Angarsk narrative texts and set their semantic and axiological dominants. The source of the research is the stories of the people from the flood zone of the Boguchanskaya HEPS (hydro-electric power station), recorded by the author during dialectological expeditions to the Kezhemsky and Boguchansky regions of the Krasnoyarskiy kraj in 2012–2014. The macrostructure of the Angara narrative review is based on the short stories material about the transmigration from the Boguchanskaya HEPS flood zone. We also identify the stylistic features of narratives.

Key words: *narrative, narrative subject, speech genre, typology, textual macrostructure.*

References

1. Herrnstein-Smith B. *On the margin of discourse*. Chicago, 1978. 185 p.
2. Trubina E. G. *Narratology: fundamentals, problems, prospects*. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2002. 103 p. (in Russian).
3. Labov, William. *The transformation of experience in narrative syntax*. In *Language in the Inner City*. Chapter 9. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. Pp. 354–396.
4. Andreeva K. A. *Text narrative: the experience of structural and semantic interpretation*. Tyumen, TGU Publ., 1993. 110 p. (in Russian).
5. Orlova O. V. Semantic transformations of concepts oil and work in the small press of oil-extracting territories (on the example of the Narymsky Vestnik newspaper). *Tomsk State University Bulletin*, 2011, no. 353, pp. 34–37 (in Russian).
6. Sheygal E. I. The many faces narrative. *Political Linguistics*. Ekaterinburg, 2007. No. (2) 22. Pp. 86–93 (in Russian).
7. Afanasieva-Medvedeva G. A. *The dictionary of dialects of the veterans of Baikal Siberia*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. Vol. 1. 576 p. (in Russian).

Siberian Federal University, Institute of Philology and Language Communication.

Pr. Svobodny, 82 а, Krasnoyarsk, Russia, 660041.

E-mail: Feldeo@list.ru